

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

LINGUISTIC NOTES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-2-63-73>

Категория лица и семантика вводно-эмотивных слов

(на примере вводных слов *к удивлению*, *к сожалению*, *к несчастью*)

Елена Николаевна Никитина¹, Надежда Константиновна Онипенко²

¹ Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление», Российская академия наук, г. Москва, Россия, yelenon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6207-8693>

² Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия, onipenko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0623-5324>

Аннотация. В статье рассматриваются семантические возможности синтаксической категории лица в составе вводных конструкций, вербализующих эмотивный модус. В результате сравнительного анализа трех вводных слов, образованных на базе субстантивной формы *к* + Дат. падеж (*к удивлению*, *к сожалению*, *к несчастью*), устанавливается зависимость их сочетаемостных свойств от семантических особенностей: 1) от их семантической гибридности (наличия в семантике не только модусной, но и диктальной составляющей); 2) от семантической разновидности модусной составляющей (собственно-эмотивной, эмотивно-речевой и эмотивно-оценочной). В статье представлен анализ данных Национального корпуса русского языка, а также речевого материала интернет-ресурсов, свидетельствующий о разном семантико-синтаксическом и функционально-текстовом потенциале указанных вводных слов. Количественный анализ сопровождается текстовым анализом и семантико-прагматической интерпретацией. При исследовании материала основное внимание уделяется наличию/отсутствию средств лично-субъектной характеристики рассматриваемых вводно-эмотивных слов; выявляется количественное соотношение 1-го и 3-го лица, обнаруживается и обосновывается прагматически нехарактерность 2-го лица субъекта, сравниваются имплицитный и эксплицитный способы представления субъекта, устанавливается разная значимость имплицитного способа для каждого из трех вводных слов. Появление 2-го лица интерпретируется как особая речевая тактика, имеющая следствием нарушение нормы речевого этикета. В статье представлен анализ примеров из текстов разной стилистической принадлежности, что позволило увидеть текстовую функцию категории лица при вводно-эмотивных словоформах – предьявлять разные варианты соотношения между субъектом состояния и субъектом речи: от совпадения до дистанцированности (в том числе и по линии времени).

Ключевые слова: вводное слово, категория лица, категория времени, речь, нарратив, синтаксический нуль, эмотивный модус, прагматика, семантика

Источник финансирования. Исследование выполнено в рамках научной программы Национального центра физики и математики, направление № 9 «Искусственный интеллект и большие данные в технических, промышленных, природных и социальных системах».

Для цитирования: Никитина Е. Н., Онипенко Н. К. Категория лица и семантика вводно-эмотивных слов (на примере вводных слов *к удивлению*, *к сожалению*, *к несчастью*) // Русский язык в школе. 2025. Т. 86, № 2. С. 63–73. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-2-63-73>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Category of person and the semantics of emotive parentheses

(on the example of the parenthetical phrases *к удивлению*, *к сожалению*, *к несчастью* / English *surprisingly*, *regrettably*, *unfortunately*)

Elena N. Nikitina¹, Nadezhda K. Onipenko²

¹ *Federal Research Centre "Computer Science and Control", Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, yelenon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6207-8693>*

² *V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, onipenko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0623-5324>*

Abstract. The article examines the semantic potential of the syntactic category of person in parenthetical constructions verbalising the emotive modus. As a result of a comparative analysis of three parentheses derived from the prepositional noun phrase *κ + Dat. case* (*k udivleniyu, k sozhaleniyu, k neschast'yu* / English *surprisingly, regrettably, unfortunately*), we established that their combinability properties depend on the following semantic features. The first one is their semantic hybridity, i. e., the presence of not only a modus but also a dictum component in the semantics. The second characteristic is the semantic type of the modus component (emotive proper, emotive verbal, and emotive evaluative). The analysis of quantitative data obtained from the Russian National Corpus and speech material from Internet resources indicates different semantic-syntactic and functional-textual potential of the specified parentheses. The quantitative analysis is accompanied by textual analysis and semantic and pragmatic interpretation. When analysing the material, we gave meticulous attention to the presence/absence of means expressing personal and possessive pronouns or nouns denoting experiencer in the emotive parenthetical constructions. Thus, the study discovers a quantitative relationship between the 1st and 3rd persons, identifies and pragmatically explains the uncharacteristic nature of the 2nd person of the subject. Moreover, the study compares the implicit and explicit ways of experience representation and establishes different significance of the latter for each of the three parentheses. We interpreted the use of the 2nd person of experiencer as a special speech tactic which results in a deviation from the speech etiquette norms. The article analysed extracts from texts of different types and genres, which enabled us to discover the textual functions performed by grammatical person of experiencer of the emotive parenthetical constructions. The category of person presents different interrelations between the experiencer and the speaker/narrator, i. e., from coincidence to distancing (including along the timeline).

Keywords: parenthesis, grammatical person, grammatical tense, speech, narrative, syntactic zero, emotive modus, pragmatics, semantics

Funding source. This study was conducted within the framework of the scientific program of the National Center for Physics and Mathematics, section № 9 "Artificial intelligence and big data in technical, industrial, natural and social systems".

For citation: Nikitina E. N., Onipenko N. K. Category of person and the semantics of emotive parentheses (on the example of the parenthetical phrases *k udivleniyu, k sozhaleniyu, k neschast'yu* / English *surprisingly, regrettably, unfortunately*). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2025;86(2):63–73. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-2-63-73>.

Введение. Категория лица является объектом грамматики (морфологии и синтаксиса), лингвистической прагматики, а также нарратологии и поэтики, что свидетельствует о многоаспектности этой категории. В грамматике лицо – это словоизменяемая категория глагола, согласованная категория, соединяющая главные члены предложения, и предикативная категория, выражающая отношение субъекта действия к участникам речевого акта. Семантической основой категории лица является противопоставление личности/неличности (предметности), что обнаруживается на уровне синтаксической конструкции – в семантике предиката (в том числе глагольного), в парадигматическом потенциале синтаксической конструкции, в текстовых условиях ее употребления.

С развитием лингвистической семантики стало понятно, что категория лица

оказывается той точкой, в которой соединяются единицы разных уровней, объекты разных лингвистических дисциплин: глагольная лексема и синтаксическая конструкция, личная форма глагола и синтаксическая конструкция, глагольная словоформа и прагматика речевого акта, морфологическое лицо глагола и синтаксическое лицо на уровне словосочетания (при номинализации) и предложения, морфология местоимений и синтаксис односоставных предложений, семантика конструкции и синтаксическая парадигматика.

Категория лица в ее стандартном понимании соединяет субъектов модуса (участников речевого акта) и субъекта диктума: совпадение выражается 1-м или 2-м лицом, несовпадение – 3-м. Полная личная парадигма возможна не только для акциональных предикатов (диктальных), но и для модусных, в этом случае категория лица

устанавливает отношения между субъектом речи и субъектом сознания (или субъектом-источником информации): *я думаю/ты думаешь/он думает; мне кажется, тебе кажется, ему кажется; по моему мнению, по твоему мнению, по его мнению (по мнению соседей)*. Многие вводные конструкции как один из способов выражения модуса (отношения говорящего к содержанию его высказывания) сохраняют субъектную позицию, что наиболее очевидно для субъектов не-1-го лица¹. Субъектная позиция может быть замещенной препозитивными местоимениями и прилагательными, постпозитивным Род. падежом без предлога или формой *для* + Род. падеж (*по его словам, по мысли Виноградова, к счастью для него*) и незамещенной (*К сожалению, концерт был отменен*). Незамещенная субъектная позиция интерпретируется здесь как синтаксический нуль, или проявление эгоцентрической техники (обнаружение субъектной перспективы высказывания посредством незамещенных позиций в синтаксической конструкции) [Онипенко 2019].

Авторы «Коммуникативной грамматики» [Золотова и др. (1998) 2004] предложили классификацию модусов по двум параметрам: тип модуса и владелец модуса (субъект), в основе которых лежат категории модальности и лица. Разделив средства вербализации модуса между пятью семантическими типами (перцептивным, ментальным, волюнтивным, эмотивным, речевым) и тремя личными сферами (1, 2, 3-го лица), авторы соотнесли вводные слова с ментальным, эмотивным и речевым модусами. При этом было показано, что разные вводные слова могут иметь ограничения по категории лица либо ограничения могут отсутствовать. Вводные слова могут принадлежать сфере 1-го лица (ментальный модус — *конечно, действительно,*

по-видимому; речевой — *короче говоря, проще сказать, одним словом*), сферам не-1-го лица (речевой модус — *по меткому выражению Пешковского*); иметь полную парадигму (ментальный модус — *по моему/твоему/его мнению*; эмотивный — *на мое/твое/его счастье*). Принадлежность к сфере 1-го лица означает отсутствие личной парадигмы (субъектной позиции), что квалифицируется как эгоцентризм [Падучева 2018], тяготение к сфере 3-го лица связано с ограничением личной парадигмы (субъектная позиция имеется: *по словам Ноздрева*, но не **по моим словам*).

Особенность вводно-эмотивных слов состоит в том, что субъектная позиция есть и может быть занята говорящим (1-е лицо), слушающим (2-е лицо) и неучастником речевого акта (3-е лицо), т. е. потенциально они имеют полную парадигму. При этом показатель принадлежности к тому или иному лицу может быть как эксплицитным (любое лицо), так и имплицитным (обычно 1-е лицо).

Своеобразие этого класса вводных слов в связи с функционированием категории лица понимали еще авторы словаря под ред. Д. Н. Ушакова. Так, в словарной статье *сожаление* указывается на отнесенность вводного *к сожалению* к незанятой субъектной позицией к я говорящего («о чем я (говорящий) жалею»)², а в словарной статье *счастье* для вводных *к счастью* и *по счастью* дается толкование с указанием притяжательных местоимений 1, 2, 3-го лица³; при этом в словаре не показаны случаи заполнения субъектной позиции для *к сожалению* и не даны примеры с незаполненной позицией субъекта для *к счастью/несчастью*. В статье *несчастье* применительно к вводному употреблению словоформ *к несчастью, на несчастье*, кроме указания на возможность любого притяжательного местоимения в субъектной позиции (*мой, твой* и т. д.), дано следующее толкование: «...в знач. вводного слова при выражении сожаления по поводу чего-н., для указания на неприятность чего-н. (для кого-н.)»⁴. В этом подходе намечается разграничение, которое в современной

¹ Несмотря на то что вводно-эмотивные слова квалифицируются как выражающие «чувство говорящего», иллюстрируются они примерами, в которых субъектная позиция занята существительными, относящимися к зоне 3-го лица: *к изумлению Нагульнова* (Шолохов), *к неописуемому восхищению Пети* (Катаев) (Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1999. С. 118).

² Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1940. С. 356 (Ушаков).

³ Там же. С. 616.

⁴ Там же. Т. 2. М., 1938. С. 556.

терминологии можно квалифицировать как соединение двух предикатных семантик — эмотивной ('сожаление') и оценочной ('неприятность чего-н.') и двух субъектных сфер (субъекта речи и субъекта, попавшего в неприятную ситуацию). Указание на синонимические связи между *несчастьем* и *к сожалению* — при потере указаний на субъектную составляющую — сохраняются и в словаре С. И. Ожегова⁵. Е. В. Падучева также соединяет в одном ряду вводные *к сожалению*, *к несчастью* и *к счастью* и квалифицирует их как маркеры точки зрения повествователя [Падучева 1996: 279], при этом не учитывается связь ни с категорией лица, ни с категорией времени. Однако анализ текстового употребления этих вводных слов показывает, что, несмотря на общность их эмотивной семантики, данные вводные слова часто не синонимичны и не находятся в отношениях выбора в одних и тех же контекстуальных условиях. Это положение будет одной из тем обсуждения в статье.

Еще одна семантико-синтаксическая особенность указанных вводных конструкций состоит в том, что эмоциональное состояние субъекта, выражаемое в них, **каузировано** событием, представленным в основной предикативной единице [Золотова 1983]. Ср.: *Он жив, к радости книгопродавцев* (Пушк ин) = 'Книгопродавцы радуются / будут радоваться, поскольку он жив, потому что он жив'. Поскольку эмоциональное состояние субъекта модуса обусловлено объективным событием, названным основным (диктальным) предикатом и следует за ним во времени (локализовано на той же временной оси, что и диктальный предикат), постольку можно заключить, что вводно-эмотивные слова не только принадлежат модусу, но и содержат элементы диктума. Это отличает вводно-эмотивные слова, субъект которых принадлежит и модусу и диктуму, от средств выражения эпистемической модальности (*вероятно, по моему мнению, конечно*) или метатекстовых средств (*короче говоря, во-первых, к слову сказать*), субъект которых принадлежит только модусу.

Семантическая принадлежность вводно-модальных слов и к модусу, и к диктуму косвенно отразилась и в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой⁶. Именная часть словаря содержит репертуар синтаксем, образующих диктальное (пропозициональное) содержание высказывания, однако примеры с вводно-эмотивными компонентами попали в раздел, посвященный дестинативной синтаксеме *на* + Вин. падеж: *на радость мамам и бабушкам*⁷; *на горе-горе-мычное*⁸. При этом вводное (модусное) употребление форм *к* + Дат. падеж не включено в соответствующий раздел словаря.

Цель статьи — с помощью данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁹ провести анализ современного употребления вводно-эмотивных слов разной категориальной семантики (1980–2024 гг.), выявить частотность заполнения/незаполнения субъектной позиции и ограничения личной парадигмы (в синтаксическом смысле), а также обосновать эти ограничения семантически и прагматически. Речь пойдет о вводно-эмотивных словах, оформляемых предложно-падежной формой *к* + Дат. падеж, которые в пособиях по орфографии и пунктуации даются в одном ряду как слова с одинаковой семантикой (*к счастью, к сожалению, к неудовольствию, к огорчению, к ужасу, к несчастью...*)¹⁰.

⁶ Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.

⁷ Там же. С. 193.

⁸ Там же. С. 194.

⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.07.2024).

¹⁰ Реже в той же роли выступают *на* + Вин. падеж (*на счастье, на удивление, на мою удачу*) и *по* + Дат. падеж (*по несчастью*). В Академической грамматике 1952–1954 гг. [Грамматика русского языка 1954, II, 2: 155–156] и в «Правилах русской орфографии и пунктуации» роль вводно-эмотивных слов представляется как «эмоциональная оценка того, о чем сообщается», а список расширяется таким образом, что в него включаются следующие вводные слова: *некоторым образом, грешным делом, известное дело, как ни странно* (см.: Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. С. 154).

⁵ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М.: Мир и Образование, 2019. С. 626.

В статье будет показано, что эмотивный модус представлен в них по-разному, при этом возможны три варианта: собственно-эмотивный, эмотивно-речевой и эмотивно-оценочный модус. Предположение о наличии трех вариантов эмотивности в модусе обусловило выбор трех вводных слов: *к удивлению, к сожалению, к несчастью (несчастью)*. *К удивлению* (так же, как и *к изумлению, к восхищению, к радости* и др.) представляет собственно-эмотивный модус; *к сожалению* соединяет эмотивный модус с речевым, *к несчастью (к счастью, к беде)* — эмотивный модус с оценкой. Будет показано, что семантической неоднородностью вводно-эмотивных предикатов обуславливается функционирование категории лица (во взаимодействии с категорией времени) и их предназначенность к употреблению в речевом акте и/или в нарративе.

Методы и материалы исследования. Для решения поставленных задач был необходим современный речевой материал (1980–2024 гг.) разной функционально-жанровой принадлежности (диалогическая речь, отзыв клиента, переписка с официальными лицами, мемуары, нарратив и др.), который доступен в НКРЯ («поиск точных форм», «лексико-грамматический поиск», формирование подкорпусов по времени создания текста и по жанру) и других интернет-ресурсах. Для исследования особенностей функционирования вводно-эмотивных слов в нарративе потребовалось обращение к текстам XIX–XX вв., воплощающим (сохраняющим) высокую традицию русской художественной литературы, с четким разграничением сфер рассказчика (1-е лицо) и героя (3-е лицо). Кроме того, было важно сверить наш собственный грамматический анализ художественного текста с теми наблюдениями и интерпретациями, которые представлены в классической стилистике художественного текста, и дополнить его.

Количественный анализ, базирующийся на цифрах, полученных с помощью НКРЯ, подкрепляется анализом текстов и семантико-прагматической интерпретацией диалогически обусловленных высказываний.

При формировании поисковых запросов в НКРЯ (1980–2024 гг.) учитывалось, что есть позиционные ограничения для атрибутивных и субстантивных средств представления субъекта, а также пунктуационное

оформление для вводного с субъектным синтаксическим нулем. Субъект, маркируемый притяжательными местоимениями и прилагательными (не только притяжательными), относится к любому лицу и может занимать как препозицию, так и постпозицию (в определенных стилях речи): *к моему/вашему/его/всеобщему удивлению; к удивлению моему*. Субъект, выражаемый существительными или субстантиватами в Род. падеже, занимает постпозицию и принадлежит сфере 3-го лица (*к удивлению Степана Игоревича — *к удивлению меня*).

Вводное с синтаксическим нулем, занимающее неконечную позицию в предложении, обычно оформляется правой запятой, что соответствует запросу «к{0}¹¹ удивлению», занимающее конечную позицию — точкой справа «к{0} удивлению», а запрос «к {0} удивлению» вмещает (1) вводные с синтаксическим нулем (*к удивлению, дождь кончился*), (2) вводные с заполненной субъектной позицией (*к удивлению брата, дождь кончился*), (3) искомые вводные в соединении с однородными (*к удивлению и радости (брата), дождь кончился*) и (4) присловные употребления (*к удивлению примешивалась радость*). Сочетание «к удивлению» не встретилось. Соответственно, соотношение между запросами «к {0} удивлению» (34) и «к {0} удивлению» (299)¹² — если отвлечься от немногочисленных примеров типа (3) — показывает, что употребления вводного *к удивлению* с синтаксическим нулем составляют в НКРЯ чуть более 10 % от всех возможных употреблений данной словоформы с предлогом (если же считать, что примеры типа (3) вносят вклад в общую картину, то процент вводных с синтаксическим нулем должен незначительно увеличиться).

Проверим наши расчеты текстовым анализом. При текстовом анализе первых 80 примеров по запросу «к {0} удивлению» полученное соотношение в целом подтверждается: вводное *к удивлению* без показателей лица встретилось 7 раз, т. е. менее 10 %; в двух примерах из семи *к удивлению* прочитывается применительно

¹¹ В фигурных скобках указано количество слов, разделяющих предлог и существительное.

¹² В круглых скобках при запросах представлены количественные результаты.

к говорящему (1-е лицо): *К удивлению, аудитория не разделила моего сарказма* [А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)], в других — применительно к герою — субъекту сознания (3-е лицо как 1-е — см.: [Онипенко 2019]): *Шараев вскочил, словно ужасленный, но, к удивлению, никого у двери не обнаружил* [Мар. Салим. Помереть некогда (2018)]. Таким образом, при вводном *к удивлению* синтаксический нуль употребляется в соответствии со стандартной эгоцентрической техникой.

Чтобы выяснить, насколько частотна техника выражения 1-го лица синтаксическим нулем по сравнению с эксплицитным вариантом (местоимением 1-го лица), мы сделали следующие поисковые запросы и получили соответствующие результаты: *к моему удивлению* — 291, *к удивлению моему* — 5; всего 296 употреблений. Мы видим, что 1-е лицо для вводного *к удивлению* в НКРЯ регулярно предъявляется местоимением, что почти в 9 раз чаще, чем синтаксическим нулем (34).

Чтобы понять, как распределяются 1-е и 3-е лицо субъекта чувствующего, сравним результаты следующих запросов: для 3-го лица — «к {0} удивлению {0} притяж. мест. 3-го лица» (128), «к {0} удивлению {0} сущ. в Род. падеже» (138), всего 266; для 1-го лица «синтаксический нуль» (34) и мест. 1-го лица (291), всего 325. Получается, что средства выражения 1-го лица несколько преобладают над средствами выражения 3-го лица (325 к 266), при этом эксплицитные средства 1-го и 3-го лица находятся практически в равных отношениях (291 и 266), т. е. *к удивлению* в равной степени склонно к обслуживанию 1-го и 3-го лица субъекта, а 2-е лицо субъекта нехарактерно (*к твоему/вашему удивлению* — 0). Таким образом, 1-е лицо субъекта чувствующего не обладает существенным приоритетом в данной вводной конструкции.

Проведя такое же исследование для *к сожалению*, обнаруживаем практически абсолютное тяготение этой словоформы с предлогом к вводной позиции с синтаксическим нулем субъекта, т. е. к 1-му лицу. Общее количество употреблений — «к сожалению» (11801); употребления с синтаксическим нулем субъекта (11332) — «к сожалению,» (11077), «к сожалению.» (265), что составляет 96 % от общего количества

употреблений данной словоформы с предлогом. Для сферы 1-го лица особую важность приобретает именно синтаксический нуль субъекта, примеры выражения субъекта с помощью местоимения единичны и создают ощущение некоторой избыточности, риторичности: *к моему сожалению* — 15, *к сожалению моему* — 4; ср.:

— Вы помните мой номер телефона? — *К сожалению*, нет [С. Довлатов. Чемодан (1986)];

— Вы, Юрий Романович, тут, *к моему сожалению*, очень даже при чем [А. Маринина, А. Горкин. Шестикрылый серафим (1991)].

Вводное *к сожалению* принадлежит прежде всего речевой стихии: оно очень частотно в разговорных жанрах, в диалогах, в публицистике, в прямой речи героев в художественном тексте; в большинстве случаев синтаксический нуль соотносится с субъектом речи, т. е. с 1-м лицом.

В нарративных текстах вводное *к сожалению* может принадлежать рассказчику, и тогда оно читается через субъекта речи, эта ситуация характерна как для классического нарратива, так и для современного; см. примеры:

Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, *к сожалению*, немножко вялая, без цепкости и внутреннего жара [И. С. Тургенев. Ася (1858)];

Рассмеявшись, наш очеркист признал себя тупицей, чего, *к сожалению*, с умными людьми не случается [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)].

Но встречаются и единичные примеры, в которых на синтаксический нуль претендует герой (3-е лицо как 1-е), что сближает их с несобственно-прямой речью героя: *При слове «кардиологов» Кямал напрягся. Этот термин он, к сожалению, знал очень хорошо* [В. Токарева. Своя правда (2002)]. Показательно, что в нашей выборке из НКРЯ в художественных текстах *к удивлению* встречается в 166 случаях из 299 (т. е. более 50 % примеров), *к сожалению* — в 2113 из 11801 (т. е. около 18 %), что указывает на функционально-стилистическую специализацию вводного *к сожалению* на речевых жанрах.

Сфера 3-го лица практически не представлена: *к его сожалению* — 2, *к их сожалению* — 2, других вариантов нет. На запрос

«к {0}сожалению {0} сущ. в Род. падеже,» получено 10 примеров, из них только три с субъектным Род., см.: *К сожалению пижонов всего мира Lalique радиаторных нимф уже давно не выпускает — они запрещены правилами безопасности* [Е. Голованова. Звон хрустальный (2002)]. Обращает на себя внимание то, что третьеличный субъект теряет индивидуализированность, превращается в имя класса, см. также: *к сожалению селекционеров, к сожалению всех заинтересованных министерств и ведомств* и т. п.

Прикрепленность вводного *к сожалению* к *Я* можно видеть и в том, что имеется тенденция к его слитному написанию с предлогом в неформальной письменной речи, в наивных *Я*-текстах. Это означает, что субъектная позиция устраняется, при этом само слово «адвербиализуется», т. е. начинает функционировать подобно вводным *кстати*, *наверное* и т. п.:

Платье понравилось, но *к сожалению*, на примерке не увидела дыры. Очень жаль, что увидела только при глажке. Деньги в мусор!;

К сожалению Степан совсем не молод, у него почти нет зубов, но сухой корм Степа все же очень любит погрызть, кушает мало, в еде не прихотлив (Интернет-ресурсы).

Следующим аргументом в пользу эгоцентрической сущности *к сожалению* становятся немногочисленные примеры с парадоксальным заполнением субъектной позиции 2-м лицом адресата:

(Вопрос на сайте:) Могу ли я играть у вас без театрального образования? Я очень много играл в школе, но мне 14.

(Ответ:) Спасибо за вопрос. *К сожалению для вас*, в профессиональном театре играют артисты, имеющие профессиональное актерское образование.

Внедрение 2-го лица в конструкцию происходит тогда, когда между вводной частью и основным содержанием высказывания разрушаются причинно-следственные отношения. Изменим пример, убрав показатель 2-го лица: *К сожалению, в театре играют профессиональные артисты*. Предложение становится бессмысленным, так как руководство театра не может сожалеть, что у него в театре работают профессионалы. Предложение

содержит косвенный отказ¹³, поэтому говорящий добавляет «эмпатическое» вводное слово. Но отказ — косвенный, он дан не прямым ответом «нет, нельзя», а посредством аргументации — описания того, как обстоит дело в театре. Из этого противоречия между смыслом высказывания и этикетом возможны два выхода: во-первых, можно восстановить речевую рамку типа *К сожалению, вынуждены сообщить, что / вынуждены вам отказать, поскольку... в театре играют профессиональные артисты* (ср. этикетную речевую формулу: *с сожалением вынуждены сообщить...*). Тогда конструкция становится корректной: говорящий сожалеет по поводу своего вынужденного речевого действия и тем самым этикетно выражает эмпатию. Во-вторых, можно нормализовать отношение между основной частью и вводной за счет передачи сожаления самому адресату, тем более что именно его и должен огорчить отказ:

При Вашем опоздании более чем на 15 минут, мы, *к Вашему сожалению*, имеем право отказать Вам в оказании услуги...;

К Вашему сожалению, приемная комиссия в воскресенье не работает;

К сожалению для вас, знаки препинания в русском ставят не по интуиции;

К сожалению для большинства из вас, мы ищем только лучшее (Интернет-ресурсы).

Говорящий не только сообщает неприятную для адресата информацию, но и подчеркивает свою эмоциональную невовлеченность; вводное *к сожалению* теряет связь с *Я*-модусом. Приписывание эмоции 2-му лицу может сопровождаться употреблением вводных слов с семантикой сомнения, домысливания: ***К сожалению (для вас, вероятно), в современном мире платежная документация устроена таким образом, что платеж документально подтвержден.***

В Интернете встретился пример рефлексии пользователя, получающего подобные отказы от приятеля, «который если чем-то не может помочь, то вместо: “к моему сожалению”, говорит “**к твоему сожалению**”. Например: **к твоему сожалению** меня вызвали на работу и я не смогу

¹³ См. об использовании *к сожалению* как формы отказа в: [Жукова 2019: 201].

помочь тебе перевезти шкаф. Такая формулировка бесит люто. Вроде он и прав, это мне надо и поэтому сожалеть об этом мне, с другой стороны это звучит как: мне... на твои проблемы, что от друга обидно слышать. Вроде уже и привык, но каждый раз ощущение какой-то неправильности» (орфография и пунктуация сохранены).

В силу дейктичности категория лица связана с категорией времени. На категорию времени в связи с проблемой вводных слов лингвисты обращали внимание, но в основном речь шла о глагольных словоформам [Виноградов 2001; Падучева 2006; Кустова 2020]. Для нас важно, что в зависимости от временной локализованности субстантивного вводного слова выбирается способ предъявления субъектной позиции — эксплицитный или имплицитный (синтаксический нуль). Вариант *к сожалению* предполагает локализованность модусного предиката только в актуальном настоящем, т. е. говорящий испытывает сожаление в момент речи. Та же временная локализованность характеризует синонимичный перформатив *сожалее*: — *Сожалею, мадам, но я не вправе давать вам какие-нибудь намеки и подсказки, — ответил клерк.* [Н. Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)].

Если в диалогической речи *к сожалению*, относящееся к 1-му лицу, имеет синонимический вариант *к моему сожалению* (также в значении актуального настоящего), то в нарративном тексте вариант *к моему сожалению* связан с планом прошлого и относит саму эмоцию ко времени излагаемых событий:

Мы устроились в машине... Веничка сидел молча, сохраняя на устах присущую ему полуулыбку Джоконды. *К моему сожалению*, у входа в этот широко посещаемый ресторан никого из знакомых не оказалось. Триумфального прибытия не получилось. В зале многие меня приветствовали, но Веничка был неузнан [Б. Мессерер. Промельк Беллы. Сергей Параджанов. Венедикт Ерофеев (2013)].

Выраженность перволичного субъекта дает определенную дистанцированность от «Я здесь и сейчас», для которого характерно существование «в нуле», что и позволяет совершать смещение по линии времени

или стилистическое смещение (в более формальный, официальный стиль).

Остановимся еще на двух вопросах функционирования *к сожалению*: (1) о семантических и референциальных свойствах субъекта состояния, выражаемого Род. падежом, и (2) о (потенциальной) синонимии *к сожалению* с *к несчастью*.

Как известно, субъект может быть выражен и с помощью *для* + Род. падеж. В НКРЯ (1980–2024 гг.) находим 56 примеров по запросу «к сожалению для»; из них по запросу «к сожалению, для» — 43 примера. Следовательно, искомым нами вариант представлен 13 вхождением; см., например:

Чтобы не быть голословными, приведем полностью монолог Наташи, заключая в скобки те его части, которые, *к сожалению для* обоих, Сережа так и не расслышал, несмотря на все Наташины старания [Н. Богословский. Заметки на полях шляпы (1997)].

Дополнительный поиск по Яндексу показывает, что эта конструкция активно используется для выражения субъекта 3-го лица.

Субъектная синтаксема *для* + Род. падеж предполагает дистанцированность от Я и от индивидуального субъекта: субъектную позицию нередко заполняют имена деятелей и местоимения во мн. числе с семантикой множественности (*к сожалению для капитана, японцев, России, человечества, «Локо», некоторых СМИ* — интернет-ресурсы). Дистанцированность от Я может быть осознана говорящим постфактум, что в примере ниже оформляется вставной конструкцией (и это является дополнительным аргументом в пользу тяготения незамещенной субъектной позиции к Я):

Такое случилось и с Машенькой. К сожалению (*для нее*), ненадолго. Я не хочу пачкать сию рукопись гения упоминанием имени этого ничтожества (к чему прославлять посредственность и пополнять ей когорту геростратов?) [Е. В. Новик и К. И. Мефистофель Forever (2008)].

Отчуждение от Я может преодолевать границу значений личность/предмет, тогда позиция заполняется неодушевленным существительным:

К сожалению (для чая и для его потребителей), времени на чайную церемонию не хватает

катастрофически [В. Быков, О. Деркач. Книга века (2000)];

К сожалению — *к сожалению* для моего романа, — я ни разу ни на кого за всю мою жизнь не доносил... [В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975–1998)].

Предметные субъекты являются метонимическим обозначением личного субъекта (чай — его потребители, производители, ценители; роман — его автор), но замена на «синонимический» Род. беспредложный невозможен: **к сожалению чая, *к сожалению романа*, что может быть сигналом смены семантики синтаксемы — это не собственно субъект состояния, а его косвенная характеристика с внешней точки зрения. Здесь можно видеть движение к производному предлогу *к сожалению* для кого-чего? с семантикой отрицательного следствия, результата; ср. происхождение предлогов *благодаря* и *назло* кому-чему? Тем самым *к сожалению* для + Род. падеж уходит из сферы собственно синтаксиса в сферу синтаксической деривации, т. е. словообразования, а в плане категориально-семантическом — из сферы эмоциональной в сферу оценочную, что наиболее очевидно при соединении с именами класса: *Исторически рынок компьютерных систем... сложился как рынок с высокой торговой маржей — к сожалению для потребителей и к удовольствию всех производителей* (Кузьминский. 2004).

В подобных контекстах с субъектом 3-го лица *к сожалению* семантически сближается с другим вводным — *к несчастью*. См. еще пример: *Буш — современный Чингисхан, не наделенный, к сожалению для первого, стратегическим умом и харизмой последнего* [А. Аванесов. Почему Америка не победит? (2003)] = *к несчастью для Буша*.

В повествовании от 1-го лица вводные слова *к сожалению* и *к несчастью* с незаполненной субъектной позицией могут пониматься как синонимические, выражающие разные степени проявления одного и того же чувства, относящегося к Я: *Кроме того, я, к несчастью, ничуть не похожа на свою ясноглазую бабушку, бездумно живущую инстинктом веры и доброты* [М. Палей. Поминование (1987)].

Но в условиях нарратива, в котором присутствует Я рассказчика, *к несчастью* с невыраженным субъектом может

осмысляться в связи с третьеличным героем или соединять страдающего героя с эмпатичным (сопереживающим) рассказчиком; см. примеры из классических художественных текстов:

Но целью взоров и суждений.
В то время жирный был пирог
(*К несчастью*, пересоленный)...

(А. Пушкин. Евгений Онегин);

Стали мы болтать о том, о сем: вдруг, смотрю, Казбич вздрогнул, переменялся в лице — и к окну; но окно, *к несчастью*, выходило на задворье.

— Что с тобой? — спросил я.

— Моя лошадь!.. лошадь!.. — сказал он, весь дрожа

(М. Лермонтов. Герой нашего времени).

Сочувственная оценка рассказчиком положения, в которое попал герой, эмоциональное состояние героя и сочувствие рассказчика принадлежат прошлому. Замена *к несчастью* на *к сожалению* (*пирог, к сожалению, пересоленный; окно, к сожалению, выходило на задний двор*) обнаруживает, что эмоция переходит только к рассказчику, а время меняется с прошедшего на настоящее — это Я говорящего в актуальном настоящем.

Ср. также два фрагмента из повести «Черная курица» А. Погорельского, в которых сочувствующий автор оценивает героя посредством вводного слова и определения с тем же корнем:

Иногда он и принимал намерение исправиться; но, *к несчастью*, самолюбие так в нем было сильно, что заглушало голос совести...;

Алеша обратился к другому, но и тот говорить с ним не хотел и даже оттолкнул его от себя, когда он опять с ним заговорил. Тут *несчастный* Алеша почувствовал, что он заслуживает такое с ним обхождение товарищей.

Вводное *к несчастью* в художественном нарративе может обнаруживать иронию рассказчика по отношению к действиям героя. См., например:

...Алексей размышлял о том, какую роль играть ему в присутствии Лизы. Он решил, что холодная рассеянность во всяком случае всего приличнее и вследствие сего приготовился. Дверь отворилась, он повернул голову с таким равнодушием, с такою гордою небрежностью, что сердце самой закоренелой кокетки непременно должно было бы содрогнуться. *К несчастью*, вместо Лизы, вошла старая мисс

Жаксон, набеленая, затянутая, с потупленными глазами и с маленьким книксом, и прекрасное военное движение Алексеево пропало втуне. (А. Пушкин. Барышня-крестянка).

Автор (а точнее, рассказчица — девица К. И. Т.) посмеивается над своим героем, который «надевает личину мрачного и разочарованного романтического героя. И этот лик “романтика” окружен авторской иронией, реалистически разоблачающей перед читателем приемы игры героя, совлекающей с него литературно-театральную маску» [Виноградов 1941: 460]. Одним из средств «разоблачения» становится вводное *к несчастью*, которое, с одной стороны, соединяет субъектную сферу героя (его размышления и действия), с другой — интерпретацию поведения героя рассказчиком. Вводное *к несчастью* композиционно находится на границе между «романтическим» фрагментом и «реалистическим», что и становится основой иронии, а семантически совмещает категориальные значения эмоции (принадлежащей герою) и оценки (принадлежащей рассказчику).

Выводы. Синтаксическая категория лица значима не только для глагольных вводных конструкций, но и для именных. Выбор между эксплицитным и имплицитным вариантами обнаружения субъекта обусловлен наличием/отсутствием дистанции между субъектом сознания и субъектом речи (в том числе и по линии времени). При незанятой субъектной позиции первым претендентом на эту позицию оказывается субъект модуса, прежде всего говорящий — 1-е лицо. Но эта каноническая ситуация не охватывает всех случаев взаимодействия между субъектом диктума и субъектом модуса, что обусловлено, во-первых, различиями в семантике модусных лексем (собственно-эмотивный, эмотивно-речевой, эмотивно-оценочный модус) и, во-вторых, текстовыми условиями использования вводных слов (перволичный/третьличный нарратив, устная речь). И тот и другой фактор влияют на приоритет субъектов одного лица по отношению к субъектам другого лица, а также на темпоральную локализованность вводных слов.

Для вводных *к удивлению* и *к несчастью* характерен паритет 1-го и 3-го лица. Эмотивные вводные слова прочитываются через время диктального предиката (сюжетное время в нарративе), что свидетельствует

о значимости диктальной составляющей в семантике этих слов.

К сожалеению принадлежит прежде всего 1-му лицу и времени речи, т. е. модусу. При незамещенной субъектной позиции связь с 1-м лицом устойчиво сохраняет именно *к сожалеению*, поскольку, будучи соотносительным с перформативным глаголом *сожалею* («с сожалением сообщаю»), совмещает эмотивную семантику с речевой. Оно не теряет своей актуальной временной характеристики даже на фоне повествования в прошедшем времени, становясь средством дистанцированного взгляда на события прошлого.

2-е лицо оказывается неестественным и малоупотребительным для вводно-эмотивных слов в силу их статуальной предикатной семантики, а в случае употребления создает условия для неуспешного речевого акта.

В условиях третьличного повествования обнаруживается сложная семантическая природа *к несчастью*, соединяющая эмоцию с оценкой. В художественном тексте, обусловленном фигурой рассказчика, на незаполненную позицию субъекта состояния в первую очередь претендует третьличный герой как носитель эмоционального переживания, каузированного в сюжете, во вторую — рассказчик как субъект, обладающий эмпатией (сочувствием) либо относящийся к герою с иронией. Наличие оценки предполагает увеличение субъектной перспективы, т. е. внешний взгляд говорящего на субъекта состояния (героя).

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001. 718 с.
2. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Изд-во художественной литературы, 1941. 622 с.
3. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. II, ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 444 с.
4. Жукова Т. А. Анализ эмотивных вводных слов и сочетаний в современной русской прозе с целью их актуализации в речи китайских студентов // Филология: научные исследования. 2019. № 1. С. 196–203. <http://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.1.29258>.
5. Золотова Г. А. Вводно-модальные слова в предложении и в тексте // Ceskoslovenska rusistika. XXVIII. 1983. № 5. С. 207–213.

6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, 2004. 541 с.

7. Кустова Г. И. Семантические эффекты времени во вводных конструкциях с ментальными глаголами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог-2020». Вып. 19(26). Москва, 17–20 июня 2020 г. М.: РГГУ, 2020. С. 483–499. <http://doi.org/10.28995/2075-7182-2020-19-485-499>.

8. Онипенко Н. К. Основные положения коммуникативной грамматики русского языка. М.: Книгодел, МГПУ, 2019. 315 с.

9. Падучева Е. В. Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 498–515.

10. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.

11. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М.: ЯСК, 2018. 440 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. Russian language (Grammatical doctrine of the word). Moscow: Russkii yazyk, 2001. 718 p. (In Russ.)

2. Vinogradov V. V. The style of Pushkin. Moscow: Goslitizdat, 1941. 622 p. (In Russ.)

3. Grammar of the Russian language: in 2 vols. Vol. 2, part 2. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1954. 444 p. (In Russ.)

4. Zhukova T. A. Analysis of emotive introductory words and word combinations in modern Russian prose in order to actualize their use in the speech of Chinese students. *Filologiya:*

nauchnye issledovaniya = Philology: Scientific Research. 2019;(1):196–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.1.29258>.

5. Zolotova G. A. Introductory-modal words in the sentence and in the text. *Czechoslovenska rusistika = Czechoslovak studies of Russian language*. XXVIII. 1983;(5):207–213. (In Russ.)

6. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow: RLI RAS, 2004. 541 p. (In Russ.)

7. Kustova G. I. Semantic effects of verb tense in parenthetical constructions with mental verbs. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog-2020". Vyp. 19(26). Moskva, 17–20 iyunya 2020 g. = Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue-2020". Issue 19. Moscow, June 17–20, 2020*. Moscow: RSUH, 2020. P. 483–499. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2020-19-485-499>.

8. Onipenko N. K. Basic aspects of communicative grammar of the Russian language. Moscow: Knigodel, MSPU, 2019. 315 p. (In Russ.)

9. Paducheva E. V. Introductory verbs: speech and narrative mode of interpretation. *Verenitsa liter. K 60-letiyu V. M. Zhivova = A string of letters. To the 60th anniversary of V. M. Zhivov*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2006. P. 498–515. (In Russ.)

10. Paducheva E. V. Semantic studies. Semantics of time and kind in the Russian language. Semantics of narrative. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1996. 464 p. (In Russ.)

11. Paducheva E. V. Egocentric units of language. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2018. 440 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Елена Николаевна Никитина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Elena N. Nikitina, Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Fellow

Надежда Константиновна Онипенко, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

Nadezhda K. Onipenko, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher

Статья поступила в редакцию 25.07.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 24.11.2024.

The article was submitted 25.07.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 24.11.2024.